

ВОКРУГ СВЕТА

11 1973
НОЯБРЬ

Музыканты на летнем празднике. ▶

Резьба на каменной колонне храма Кришны.

Л. ШАПОШНИКОВА,
кандидат исторических наук,
лауреат премии им. Дж. Неру

ДОЛИНА

Фото автора

ЗАМОК С ПРИВИДЕНИЯМИ

В Наггаре есть старинный замок. Похожий на квадратную башню, он стоит в конце узкой улочки. Стены замка сложены из круп-

ных камней на каркасе из массивных кедровых балок. Теперь в нем новые жильцы — приезжая публика, размещающаяся в четырех номерах маленькой комфортабельной гостиницы.

В старину замок видел нема-

ло правителей. И тибетцев, и раджпутов, и мусульман. Во дворе замка небольшое святилище. В святилище лежит плоский камень, джакти патх.

Окончание. Начало в № 10.

По преданию, камень этот принесли пчелы. Каждый день смотритель замкового храма сыплет на священный камень желтые цветы пилла пхуль. Рядом с камнем еще один. В нем высечен след богини. Судя по следу, нога у богини была небольшая. Что-нибудь вроде 34—35-го размера. И пчелиный камень, и цветы, и след богини — атрибуты, связывающие замок с древними традициями долины. Но есть еще один атрибут. Известно, что во всяком уважающем себя замке должно быть собственное привидение. Есть оно и в Наггаре. Окрестные жители очень им гордятся. Говорят, в лунные ясные ночи во дворе замка появляется белая фигура. Фигура медленно пересекает двор, проходит узкой улочкой через Наггар и выходит на тропу, ведущую в горы. Старый Шамграм, обитатель Наггара, клянется, что видел привидение собственными глазами. И даже не один раз, а несколько. Шамграм утверждает, что привидение появилось давно. Может быть, несколько веков назад. Сначала никто не мог понять, чье оно. Потом кто-то опознал в нем старого раджу Нарсинга. Тогда пророки и жрецы долины Кулу собрались на совет. Они ломали себе головы и не могли найти подходящего места и занятия привидению. А оно меж тем без дела слонялось лунными ночами по горам и долине и пугало до смерти одиноких путников. И хотя привидение было аристократического происхождения, все равно это было неприятно. После долгих споров и дискуссионных пророки наконец подыска-

добренный поклонением и почитанием, Нарсинг прекратил свои ночные прогулки. Правда, иногда он все же появляется, но больше для того, чтобы навести где-нибудь порядок.

Боги и привидения — не единственные потусторонние существа, с которыми приходится иметь дело жителям Кулу. Есть еще духи, феи и даже собственный водяной. У каждого из них свой нрав и повадки. К каждому из них надо приспособиться.

...Я медленно бреду по лесу и вдруг обнаруживаю под старым кедром странное сооружение. На небольшой, сложенной из нетесаных камней платформе стоит аккуратно сделанный из планок игрушечный домик. Крыша крыта сланцем, как в настоящих домах Кулу. Заглядываю в домик — никого. Кто же здесь может жить? Гномы? Но, кажется, о них я ничего не слыхала...

— Ты что здесь делаешь? — раздается позади скрипучий голос.

Я оборачиваюсь и тут же замираю на месте. Передо мной, опершись сухой рукой о ствол дерева, стоит баба-яга. Седые космы волос, крючковатый нос, из беззубого провалившегося рта с двух сторон торчат желтые клыки, густые брови клоками нависают над пронзительными глазами. На худых острых плечах висит какое-то рубище, подпоясанное веревкой.

— Ты что здесь делаешь? — снова спрашивает баба-яга.

Я закрываю и снова открываю глаза, но баба-яга не исчезает. Ее потрескавшиеся бо-
сые ноги прочно стоят на про-

Местные богини на храме Шивы.

ТЫСЯЧИ БОГОВ

ли Нарсингу подходящую должность. Его сделали богом — хранителем долины. Бывшему привидению была предоставлена жилплощадь в виде маленького деревянного храма, который выстроили напротив замка. За-

шлогодней опавшей хвое. «Придется вступить в разговор», — решаюсь я.

— Вот домик смотри, — указываясь говорю я ей.

— А... — разочарованно тянет баба-яга и, тяжело кряхтя,

садится на поросший мохом пенек.

Я хочу спросить бабу-ягу, откуда она пришла или появилась. Но как бы в ответ баба-яга машет высохшей рукой:

— Майна меня зовут.

«Значит, не баба-яга, — облегченно думаю я. — Их, кажется, так не зовут».

— Да... — вздыхает старуха и смотрит на меня из-под ключковатых бровей. — Когда тебе будет столько, сколько мне, ты вот так же будешь ходить с палкой. — И показывает на свою сучковатую клюку.

— Возможно, — вежливо соглашаюсь я.

— Знаешь, сколько я прожила?

— Нет, — голос мой звучит вполне искренне.

— Хе-хе-хе, — надтреснуто смеется старуха. — Целый век. Сто лет. Вот сколько! — И победно сверкает пронзительными глазами. — Только этот священный деодар, — она машет рукой в сторону дерева, под которым стоит игрушечный домик, — старше меня. Вот так.

— А сколько лет этому деодару? — вежливо осведомляюсь я.

Майна задумывается на какое-то мгновение.

— Старики говорят, что не меньше двух тысяч лет. Вот так, — снова добавляет она.

— Чей же все-таки это домик? — набравшись храбрости, спрашиваю ее.

— Как чей? — Майна встает, подходит к домику и кланяется ему. — Здесь живет Батал, дух этого дерева и этого леса, — назидательно говорит она. — У каждого духа должно быть свое жилье. Вот когда проживешь столько, сколько я, не то еще узнаешь. — И снова садится на пенек.

— Сколько же у вас духов? — пристаю я к Майне.

— И-и-и, — с присвистом тянет старуха, — чего-чего, а этого добра у нас много. Пятьсот или шестьсот. Сто лет прожила, а всех так и не запомнила. Батал, — Майна загибает крючковатый палец, — Баншира, Тхан, Маншира... А дальше не помню. Вот так, — она решительно поднимается с пенки и бесшумно исчезает между деревьями, так же, как и появилась.

Действительно, духов в Кулу очень много. Они водятся в домах, в деревьях, в лесах, в источниках, в горах. Отличить бога от духа или духа от бога бывает очень трудно. Сами жители Кулу не смогли бы этого сделать. Есть духи добрые, есть злые, есть озорные. Озорные имеют привычку воровать одежду у купающихся девушек. Время от времени духи Кулу устраивают сборища. Недалеко

от Наггара в расселине стоит священный лес. В конце лета над лесом появляются летающие огоньки. Известно, что светляки тоже летают. Но это обстоятельство никого не беспокоит. Летающие огоньки — это духи, с одной стороны, а с другой стороны — повод для очередного праздника. И поэтому жители Кулу немедленно забирают своих богов, зажигают факелы и под барабанный бой идут в священный лес. Правда, потом они объясняют это тем, что боги захотели в гости к духам. А для того чтобы людям не было обидно, они устраивают пир, достойный богов, духов и людей, на ночной поляне в священном лесу.

Вначале рязятся не только духи, но и более опасные и прекрасные существа — феи с птичьим именем «черелл». Лунными ночами они устраивают пляски на лесных лужайках. Через несколько дней моего житья в Кулу я поняла, что лунные ночи — самое опасное время в долине. В деодаровой роще, недалеко от виллы Рерихов, там, где растут черные ядовитые лилии с лепестками, похожими на кожу змеи, — излюбленное место фей. Черелл населяют не только леса, но и горы. У них светлая кожа, зеленые глаза и рыжие волосы. Как и в любом другом месте, среди фей долины Кулу есть добрые и есть злые. Добрых от злых отличить легко. У злых ступни повернуты назад. Так они и ходят — задом наперед. И поскольку они злые, то их за этот дефект никто не жалеет. Если вы идете ночью с очередного праздника и заметите меж деревьями светящиеся глаза, знайте — это фея. (Кстати, в долине Кулу известно: чем больше человек выпил пива, тем больше фей ему встречается.) В зависимости от качества характера встреченной черелл складываются ее отношения с человеком.

Фей, так же как и духов, очень трудно отличить от богинь. С женским коварством они превращаются в других. Поэтому и для черелл устраивают святилища, складывают о них легенды и держат в качестве родовых покровительниц и защитниц. Богини, боги, мудрые наги, феи, духи, священные рощи, деревья, источники и водоемы, горы и пещеры, жертвенные камни — все это реликвии древней Кулу, мир ее исконной религии. Это то, что жи-

тели Кулу принесли с собой в современную жизнь и тем самым придали этой жизни черты удивительного своеобразия.

КТО ЕСТЬ КТО В ДОЛИНЕ КУЛУ?

Ответить на этот вопрос не так-то просто. Тем не менее кое-какие предположения и догадки можно было бы высказать.

Своеобразие труднодоступных горных районов, или так называемых «карманов», состоит в том, что, с одной стороны, они улавливают миграционные потоки, задерживают их, а условия изоляции и труднодоступности этих «карманов» создают нередко возможности сохранения изначальных культурных традиций древнего миграционного потока. С другой стороны, случается так, что крупный миграционный поток минует такой район. Он идет старыми, изведенными для этой страны путями, не проникая попервоначалу в периферийные труднодоступные области.

Кого же могли уловить и кого могли не пропустить долины индийских Гималаев? Известно, что древнейшей основой индийского населения были так называемые протоавстралоидные, или веддоидные, народы. Это были темнокожие люди небольшого роста, с широкими носами, толстыми губами, курчавыми волосами. Они занимались собирательством и охотой. Затем у них появились подсечное земледелие и элементарное ремесло. Островки этого древнейшего аборигенного населения сохранились до сих пор в джунглях Центральной и Южной Индии. Уровень их развития пока еще остается низким. Но такого рода аборигенное население, по всей видимости, не ограничивается только Центральной и Южной Индией. Нет оснований отрицать распространение этого населения и в Северной Индии вплоть до Гималаев. Археологические раскопки пятиятысячелетней культуры Мохенджо-Даро и Хараппы подтверждают это. В древних погребениях долины Инда были обнаружены протоавстралоидные черепа. И в самой долине Кулу сохранился этот древнейший аборигенный тип. Так называемые «низкие» касты — даги и коли — подтверждают это с полной очевидностью. Но что

можно сказать об их культуре? Сохранив антропологический тип древнейших обитателей Индии, даги и коли давно утратили самостоятельность своей культуры и языка. Между ними и другой группой жителей Кулу вы уже не найдете культурных различий. По всей видимости, эта другая группа, стоявшая на более высокой ступени развития, полностью ассимилировала древнейший аборигенный слой.

А что собой представляет эта другая группа? Это каннеты, кунинда, кулинда, или кулуты, упоминавшиеся в священных книгах ариев — Ведах, — основное население Кулу. Они светлокожи, узколицы и горбоносы. Можно говорить об их самостоятельной культуре. И в этой культуре, безусловно, присутствуют и элементы традиций древнейших протоавстралоидных аборигенов. Ведь несколько тысячелетий обе культуры кипели в одном котле.

Что же представлял собой и представляет сейчас этот культурный сплав? Каннеты — земледельцы и скотоводы. Но в большей степени, конечно, земледельцы. И только гадди — чистые пастухи. Но такое разделение труда могло сложиться и позднее. В древности каннеты не знали лошадей и до сих пор не изобрели колеса. У них не было каст, а те касты, которые существуют сейчас, не отвечают нормам индуистского права. Социальная организация каннетов была матриархальной, пережитки матриархата дошли и до наших дней. Поэтому до сих пор в Кулу поклоняются богиням, считают их верховными божествами, и жрицы продолжают играть отведенную им историей роль. Существование в изолированной долине Малана своеобразного института незамужних «девадаси» при храме — тоже интересный факт. Древние храмы долины Кулу с их многоярусными деревянными крышами, с их неожиданной ориентацией на северо-запад, с их жрецами-пророками, с их удивительными серебряными и бронзовыми масками богов — тоже часть этой культуры. До сих пор в долине хранят живую память о человеческих жертвоприношениях. Значит, они практиковались широко и, возможно, исчезли в самом недавнем прошлом. Светлокожие жители Кулу поклонялись солнцу, горам, деревьям, рекам и мудрой змее Нагу. Вот этот мудрый Наг

и наводит на некоторые раздумья. Откуда он мог взаться в Гималаях, там, где нет почти совсем ядовитых змей? Можно понять жителей Южной Индии и жарких равнин Северной, где много змей, где нужно Нага задобрить и, наконец, во избежание всяческих неприятностей не попускаться и на божественный титул для него. Но Гималаи в этих широтах ничего подобного не знают. Значит, у мудрого Нага должны быть какие-то внешние связи? А жители Кулу, упорно поклоняющиеся своему Нагу, может быть, тоже имеют их?

Пять тысяч лет назад в долине Инда, совсем недалеко от этих мест, процветала высокая и своеобразная культура. Теперь ее называют культурой Мохенджо-Даро и Хараппы, по имени двух мест, где она была обнаружена в 20-е годы нашего столетия. Эта культура знала великолепно спланированные города, дворцы, сложенные из кирпича, мощные крепости, письменность, которая до сих пор не расшифрована. Жители этих древних городов строили корабли и отправлялись в далекие путешествия. Они были искусными земледельцами и ремесленниками. Они вырезали на своих стеатитовых печатях богинь, священные деревья, священных быков, своих героев и мудрых змей-нагов. Сотни таких печатей лежат в музеях Индии. Но пока они молчат. Ибо надписи на них еще никто не прочел. Культура Мохенджо-Даро охватывала, вероятно, гораздо больший регион, чем мы сейчас предполагаем. У нее были обширные связи с Месопотамией, Египтом, древним Эламом. Нагу поклонялись и в тех далеких странах. И жрецы приносили в жертву матери-богине людей.

Период процветания был долог, и города-крепости подчиняли себе окрестные племена, и те начинали поклоняться богам Мохенджо-Даро и Хараппы. Но потом наступило время упадка. Русло Инда стало мелеет, плодородные земли заносило песком. Подняли голову покоренные племена. В самих городах уже не было прежнего согласия. Боги отвернулись от тех, кто им поклонялся. Богини требовали кровавых жертв. Число жертв росло, но уже ничего нельзя было изменить. Богини оказались бессильны.

Оттуда, с севера, из-за хребта, неслись в клубах пыли чу-

жие наездники, грохотали их диковинные колесницы, и гремел над ними Индра — бог отцов. Чужой и могущественный бог. И так волна за волной. Это случилось во II тысячелетии до нашей эры. Сдавались крепости, не выдерживая натиска кочевников. Этих пришельцев теперь мы называем ариями. Военственные индоевропейцы обрушили свои мечи на культуру мудрого Нага. Победленные искали убежища. Одни устремились на юг, туда, где были густые влажные леса, другие уходили в горы. Гималаи были совсем рядом с их плодородными горными долинами. Третьи оставались на месте, стараясь пережить тяжелые времена. Арии в своих священных книгах — Ведах — писали о сражениях арийских богов с демонами-асурами и змеями-нагами. Так реальные события вновь обрели мифическую форму. Фантазия арийских мудрецов превратила местные индийские племена в демонов и змей. Риши пели и писали о крепостях, защищаемых змеями-нагами, о победе Индры над грозным змеем Вритрой.

Может быть, тогда и ушли древние кунинда, а теперешние каннеты, в гималайскую долину Кулу. Они принесли с собой своих богов, построили свои храмы, отдавали людей в жертву матери-богине и поклонялись поверженному Нагу. Пока потопки мохенджодарцев осваивали новые земли, на равнинах Индии происходили свои события. Суть их сводилась к слиянию двух культур. Ни одна из них не могла одолеть другую. Слияние это заняло много столетий. Происходили смешанные браки между завоевателями и побежденными, в стране появились арийские касты, возникали новые боги, в которых были черты и богов ариев, и богов местного населения. Мудрый Наг спокойно впоял в их пантеон и грозно навесил над новыми богами свой капюшон. Мать-богиня, получив много имен — Дурга, Кали и другие, на белом льве вторглась в храмы с каменными шикарами и гопурамами. Новые жрецы-брамины изгнали старых пророков и объявили себя единственными хранителями религиозного таинства. Постепенно возникал индуизм в его теперешней форме. Единая религия бывших дево, асуров и нагов. Единая религия победителей и побежденных. Но теперь уже давно не осталось ни тех,

ни других. Возник единый народ, сложились общие культурные и духовные традиции. И только в таких далеких районах, как Кулу, или на горных трактах Кашмира продолжалась своя древняя жизнь.

И поэтому, когда наконец сюда дошли брамины и построили храмы с каменными шикарами, население Кулу их не восприняло сразу. Но и здесь время сделало свое дело. Появился чужой язык, и возник особый диалект хинди, на котором говорят в Кулу. Свой древний язык уже забыл.

Брамины пришли сюда много столетий спустя после вторжения ариев. И немало столетий прошло после их появления. История долины Кулу в этот период была довольно бурной. Ее жители видели тибетцев, ладакцев, раджпутов, отряды монгольских императоров. Это то, о чем нам известно. Но многого мы не знаем. И до сих пор остается тайной, кто и когда сюда занес костюм, так напоминающий европейский...

СВЕТ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

Знаменитый русский художник Николай Константинович Рерих поселился с семьей в Кулу в 1928 году. Место им было выбрано очень удачно. Совсем рядом стояли снежные пики Гималаев. И художник рисовал их. Но эта работа занимала только часть его времени и мыслей. Николай Константинович был крупным ученым и путешественником. Археология, исследование путей исчезнувших народов, изучение общего в культуре разных стран, и, в частности, России и Индии, — вот далеко не полный перечень его научных интересов. Долина Кулу в этом отношении давала большие возможности и для раздумий, и для открытий и находок. К долине примыкали горные районы Чамбы, Спити, Лахула. И каждый из них был замкнутым своеобразным миром древних традиций и вековых загадок.

...Только что закончилась знаменитая Центрально-Азиатская экспедиция Рерихов¹. Вместе с Николаем Константиновичем по труднодоступным областям Трансгималаев и Тибета прошли

¹ Орывки из книг Н. К. и Ю. Н. Рерихов, посвященных этой экспедиции, были опубликованы в № 3 и 4 нашего журнала за 1972 год. — *Прим. ред.*

его жена Елена Ивановна и старший сын, востоковед, Юрий Николаевич. Экспедиция охватила огромную территорию Азиатского материка: Сикким, Индию, Китай, Советскую Сибирь, Монголию, Тибет.

Уникальные коллекции экспедиции в ящиках были доставлены в Кулу. Их надо было обработать. А воображение ученого и художника уже рисовало планы новых экспедиций по Индийским Гималаям. Опыт Центрально-Азиатской экспедиции подсказывал, что в будущих путешествиях и экспедициях должны участвовать не только археологи и востоковеды, но и геологи, ботаники, зоологи. Складывалась программа комплексных научных исследований всего гималайского региона. И тогда возникла мысль об «Урусвати». Древнее слово «Урусвати» — «Свет утренней звезды» — неожиданно получило новое значение и именем научно-исследовательского института вошло в современную жизнь многих стран.

Но это было давно. Когда я приехала в долину Кулу, это слово помнили немногие. Но в один из дней оно вдруг ожило и наполнилось реальным смыслом.

В этот день облака желтой пенджабской пыли висели над долиной. Они притушили яркое солнце и закрыли горы. День выглядел пасмурным и ненастным. Идти куда не хотелось. Однако, несмотря на плохую погоду, около виллы Рерихов, как всегда, было шумно. Сегодня, как и каждый день, сюда поднимались группы экскурсантов, шумные компании студентов. Они останабливались у ворот виллы и робко спрашивали, здесь ли находится галерея картин Рериха. Как обычно, их встречал неизменно приветливый Святослав Николаевич Рерих. Он вел посетителей в комнаты первого этажа, где по стенам развешаны гималайские этюды русского художника. Люди подожду стояли у этих картин, удивлялись, что они написаны русским, а потом спускались вниз по склону к серому камню, на котором высечены слова:

«Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Надпись была сделана на языке хинди.

Когда наконец последняя группа индийских почитателей таланта русского художника покинула двор виллы, Святослав Николаевич подошел ко мне и задумчиво посмотрел куда-то вдаль.

— Давайте сходим в «Урусвати», — неожиданно предложил он.

«Урусвати», — мысленно повторила я. Откуда это и с чем связано? И сейчас же возникла ниточка — «Урусвати» — Институт гималайских исследований.

— Разве что-нибудь сохранилось? — спросила я.

— Идемте, — и Святослав Николаевич направился к воротам виллы.

Мы поднимаемся по тропинке, вьющейся по некрутому склону. Метров через пятьсот оказываемся на небольшой площадке, поросшей ярко-зеленой травой. Здесь стоят два здания. Здания Института гималайских исследований. На одном из них еще сохранилась вывеска. «Урусвати» — коротко гласит надпись.

— Весь этот склон и роца, — сказал Святослав Николаевич, — принадлежат институту. Всего 20 акров земли, которую мой отец Николай Константинович отдал для этой цели. Вот в этом доме, — Святослав Николаевич показал на первый из них, — работали и жили зарубежные сотрудники института, а в следующем размещались индийские ученые.

Чуть в стороне, ниже по склону, виднелась груда камней, бывшая, очевидно, когда-то фундаментом. Оказалось, что там стоял дом, в котором жили тибетские ламы, помогавшие Юрию Николаевичу Рериху в его исследованиях.

Мы начали осмотр домов. Шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Комнаты тянулись одна за другой. В одном из помещений мы остановились перед дверью. На ней висел массивный замок. Заржавевший механизм замка долго не поддавался. Наконец он со скрипом открылся. Мы толкнули дверь и оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно прикрытые ставни. Когда глаза привыкли к этому сумеречному полумраку, я увидела стоявшие повсюду ящики. Они громоздились друг на друга. Ящиков было много, и толстый слой пыли покрывал их. По стенам стояли застекленные шкафы.

— Наши коллекции, — корот-

ко бросил Святослав Николаевич. Выяснилось, что здесь хранились коллекции, частично оставшиеся от Центрально-Азиатской экспедиции, собранные экспедициями самого института. Богатейший научный материал, к которому несколько десятков лет не прикасалась рука ученого. В застекленных шкафах и ящиках находилась ценная этнографическая и археологическая коллекция. Орнитологическое собрание насчитывало около 400 видов редчайших птиц, некоторые из них сейчас уже исчезли. Ботаническое — полностью представляло флору долины Кулу. Геологическое — содержало немало редких минералов. Тут же были и зоологическая, фармакологическая, палеонтологическая коллекции.

Мы проходим в следующее помещение, по стенам которого тянутся полки с книгами. Четыре тысячи томов — вот ее содержимое. Кроме книг, в распоряжении Святослава Николаевича находится рукописный архив Рерихов.

В одном из зданий мы обнаружили остатки оборудования биохимической лаборатории.

Книги давно уже никто не снимал с полок, лабораторным оборудованием не пользовались...

Но тем не менее все это не производило тягостного впечатления запустения и упадка. Казалось, что люди только недавно покинули эти стены, какими-то не зависящими от них обстоятельствами неожиданно и внезапно оторванные от интересной работы. Они успели только упаковать коллекции и закрыть на замки двери библиотеки и лаборатории...

— Вот что такое «Урусвати» теперь. — Святослав Николаевич печально наклонил голову. — Но ведь советские ученые могут здесь работать? — и глаза его улыбнулись. — Об этом не раз говорили и мой отец, и брат. Почему бы советским и индийским ученым здесь не поработать вместе? Все это, — он обвел взглядом вокруг, — может оказаться в их распоряжении. Русские начали, русские должны и продолжить...

История института была недолгой, но трудной. Институт начал работать в 1928 году и почти прекратил свое существование во время второй мировой войны. Но и за это короткое время было сделано удивительно много. Наладили сотрудни-

чество со многими научными учреждениями стран Европы и Америки. Существовал обмен публикациями с 250 институтами, университетами, музеями, библиотеками, научными обществами. Была связь с советскими учеными, в частности с Н. И. Вавиловым. Четыре отделения института: археологии и искусства, естественных наук, исследовательская библиотека, музей — публиковали свои труды в ежегоднике, который назывался «Журнал Института Гималайских исследований». Круг вопросов, отраженных в этих публикациях, очень широк. Археология, этнография, лингвистика, философия, ботаника, фармакология, геология... Большой раздел журнала был посвящен отчетам и дневникам регулярно проводившихся экспедиций. Время от времени публиковались монографии отдельных сотрудников института. И конечно, важнейшее место среди них занимала серия «Тибетика», посвященная древностям Тибета.

Выдающуюся роль в создании этой серии сыграл Юрий Николаевич Рерих. Необходимо сказать, что Юрий Николаевич, будучи бессменным директором института, оказал огромное влияние на организацию и развитие исследований самых разных аспектов. Он работал как археолог, этнограф, историк, лингвист. Он первым произвел археологические раскопки в Кулу и соседних районах. Собрал богатейшую коллекцию тибетских рукописей и книг, провел этнографическое и лингвистическое обследование Лахула, собрал интереснейшую этнографическую коллекцию, начал работать над тибето-английским словарем.

Весьма плодотворной была работа института и в области естественных наук. Было организовано три экспедиции, которые значительно расширили наши знания о малоисследованном районе Гималайских гор.

В 1934 году началась новая большая экспедиция Рерихов в Китай и Маньчжурию. Деятельность института на время была приостановлена. После возвращения Николай Константинович и Юрий Николаевич столкнулись с рядом трудностей. Английские власти, на подозрении у которых находилась семья Рерихов, всячески препятствовали восстановлению регулярной работы института. Не

хватало денег. «Все есть, а денег нет», — писал Н. К. Рерих в 1938 году. А потом началась война. Институт оказался отрезанным от внешнего мира. Вскоре после войны, в 1947 году, Николай Константинович Рериха не стало. Юрий Николаевич переехал в Калимпонг, где продолжал работать сам.

1957 год застал Юрия Николаевича в Москве. Сюда он привез картины отца, свою восточную библиотеку, тибетские рукописи. К этому времени он был уже ученым с мировым именем. Последние годы своей жизни он отдал советскому востоковедению, воспитав целую плеяду талантливых учеников и последователей в стенах Института востоковедения АН СССР. Он умер советским гражданином.

Много лет назад Николай Константинович Рерих писал: «Урусвати — Гималайский институт научных исследований — начался в 1928 году под самыми хорошими знаками».

Может быть, действительно эти знаки были хорошими? И может быть, наступит время, когда откроют ящики с коллекциями и шкафы с книгами, расставят по своим местам беспорядочно сложенное лабораторное оборудование, и ныне пустые комнаты наполнятся звуками шагов и голосами. А в институте, основанном большими русскими учеными Рерихами, начнут работать те, для кого, собственно, все и создавалось, — советские ученые...

Я уезжала из долины Кулу ранним утром. Розовели снежные вершины Гималаев. По шоссе тек нескончаемый поток овечьих стад и мешал нашему автобусу. Пастухи-гадди старались удерживать овец в русле шоссе. Женщины с коническими корзинами за спинами шли по обочине дороги. Над сланцевыми крышами домов стояли синие дымки. И снова передо мной разворачивалась многокрасочная кинолента долин, такой древней и в то же время в чем-то современной. Сожаление, что я всего этого больше не увижу, болезненно отозвалось где-то внутри. Но это состояние продолжалось какое-то короткое мгновение. На смену ему пришло что-то новое, и имя это — надежда.

СОДЕРЖАНИЕ

НАДИР САФИЕВ — Первый ледоход	2-я стр. обл.
АЛЕКСАНДР ХАРЬКОВСКИЙ — Слой жизни	9
В. АЛЕКСАНДРОВ — Лето. Берлин. Фестиваль	12
ВЛАДИМИР ЦВЕТОВ — Левые, которые шагают вправо	14
В. ОПАРИН — Камни самоцветные, белые жемчуга	18
В. МАССОН — Лунный зиккурат в Каракумах	22
А. РЯБИКИН, Г. КНЯЗЕВ — Аджимушкой, август 73	24
АРВИД КЛЕМЕНСЕН — В горах, где живут байнинги	27
А. ЧУДИНОВСКИЙ — Мелодии рыб	31
АЛ. АЗАРОВ — Машинистка	32
М. БЕЛЕНЬКИЙ — Возвращение монгольцев	40
Л. ШАПОШНИКОВА — Долина тысячи богов	44
АЛИНА ЦЕНТКЕВИЧ, ЧЕСЛАВ ЦЕНТКЕВИЧ — Трагедии ледяного острова	50
Загадки, проекты, открытия	55
С. МИЛИН — Операция «Жюль Верн»	56
С. КУЛИК — Энвантенет — остров дурной славы	62
МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЁ — Запертая комната	65
Л. ВЫГОННАЯ — Сигирия	76
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Г. СБОЙЧАКОВА — Маис, фрихолес и пультке	80

На первой странице обложки: Японское море у южных берегов Сахалина. Водолаз освобождает вал гребного винта от намотавшегося троса.

Обследование и ремонт, очистка подводной части судна от водорослей и ракушек — на плаву, без докования — стали сегодня обычным делом. Легкий гидрокостюм типа «Садко» с аквалангом, специальный подводный факел, горящий в толще воды, позволяют водолазу работать в любое время суток и года.

Фото А. Рогова

Главный редактор **А. В. НИКОНОВ**

Члены редакционной коллегии:
В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), **Г. В. МАКСИМОВИЧ** (ответственный секретарь), **Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ**

Оформление **А. Гусева** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцневская, 21. Телефон для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 5/IX 1973 г. Подп. к печ. 9/Х 1973 г. А00773.
 Формат 84x108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
 Тираж 2 500 000 экз. Заказ 1699. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
 Москва, А-30, Суцневская, 21.

МАИС, ФРИХОЛЕС И ПУЛЬКЕ

Мексика — страна суровая. «Райских уголков», где все растёт само собой, здесь не так уж и много. И заботы у мексиканского крестьянина такие же, как в любой другой стране. В поте лица добывает он хлеб насущный. Правда, хлеб для мексиканца — это не пшеница (хотя и ее выращивают здесь), а кукуруза. Именно кукуруза — маис, — исконок веков выращиваемая в Мексике, составляет основу крестьянской жизни. Из маиса пекут лепешки — тортильяс, которые крестьянская семья ест на завтрак, обед и ужин, и в будни и в праздники. Черная фасоль — фрихолес — для простого мексиканца как для нас картошка. А из перебродившего сока агавы он получает пультке — кисло пахнущий, слегка пенящийся хмельной напиток.

Словом, ежедневный стол крестьянина не отличается особым разнообразием. А для того чтобы увидеть фантастическое изобилие плодов, которое способна давать мексиканская земля, надо пойти на базар. Здесь и ароматные яблоки из Чиуауа, и апельсины, и неправдоподобно крупные мандарины из Тамаулипаса и Веракруса, тяжелые гроздья винограда из Нижней Калифорнии. Аккуратными горками выложены зеленые маслянистые авокадо, сочные папайи, желтые, с тонким и необъяснимым запахом хвон манго. Грудами свалены кокосовые орехи. В воздухе смешался аромат бананов и ананасов.

Но это праздник. А круглый год — кукуруза, которую крестьянин бережет как самое большое свое богатство. Конусообразные сооружения, которые вы видите на 3-й странице обложки, — это амбары, куда ссыпают драгоценное зерно, — подальше от влаги и от мышей.

Г. СБОЙЧАКОВА